

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТАКТИКИ РУССКОЙ КОННИЦЫ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

Данная работа имеет целью рассмотреть некоторые аспекты преобразований русского войска, активно проводившихся в середине XVII столетия, связанные, прежде всего, с освоением так называемой линейной тактики. Сам по себе факт применения полками царя Алексея Михайловича этой новой формы боя не вызывает сомнений: на это ясно указывают свидетельства отечественных и зарубежных источников, это признавалось и рядом исследователей (Н.Н.Обручев, А.В.Чернов, П.П.Епифанов)¹. Правда, в ходе дискуссии о глубине этих преобразований был выдвинут тезис о том, что данные перемены в тактике, будучи неизбежно связаны с внедрением единообразного вооружения и жесткой дисциплины, тщательным обучением — «муштрой» личного состава, массовой подготовкой офицерских кадров и т.п., не могли прочно укорениться в существовавшем сословном войске — что и потребовало решительной ломки всего старого и создания регулярной армии при Петре Великом. Таким образом, особенным сомнениям в «регулярности» своего вооружения и тактики подверглись наиболее консервативные служилые слои Московской Руси — стрельцы и поместная конница. В ходе изучения истории конницы Новгородского разряда* автором был собран материал о боевой практике этих подразделений, а также, что особенно важно в связи с исследованиями в области военной антропологии, о взаимовлиянии новых форм боя и традиций служилого сословия. Изменения в психологии ратных людей — это показатель глубины произошедших военных реформ и перехода на новую тактику.

В XVI — первой половине XVII вв. русская конница при всей своей сложной иерархии московских и городских чинов, татарских, иноземских и казачьих служилых отрядов, не делится на какие-либо подразделения по виду вооружения и способу боя. Снаряжение всадника зависело от его собственного состояния, включая в себя, в различных случайных сочетаниях, сабли, саадаки, пистолеты, «завесные пищали» или карабины, иногда легкие копья**. (Лучше обеспеченных дворян и детей боярских воеводы сводили в отборные сотни — Выборную, Подъезжую

* Новгородский разряд — термин, который с 1656 г. стал служить для обозначения отдельного округа, включавшего Новгородские пятины, уезды Пскова, Вел. Лук, Торопца, Твери, Торжка и нек. другие; ратные конные и пешие люди этих земель собирались на службу под начало Новгородского и Псковского полковых воевод, а в 1656 и с 1659 гг. — главного воеводы Новгородского разряда. Общая численность конных ратных людей в «полковой службе» в среднем составляла 4 тысячи чел.

** Здесь имеется в виду легкое копье типа «рогатины» польско-литовской национальной (не гусарской) конницы, длиной в 2,5 м. (*Brzezinski R. Polish armies 1569-1696. Ldn., 1987. Vol. 1. P. 23, 35, 43.*)

или Ертоульную, а также в охрану Государева знамени, отряды «завоеводчиков» и «есаулов» (адъютантов). Однако, и этот отбор производился не столько по принципу качества их снаряжения, сколько по знатности, «честности» рода служилого человека. По существовавшему тогда общему убеждению, стойкость, храбрость, удачливость бойца, его моральный уровень вообще были напрямую связаны с «дородством» — знатностью и «честностью» службы Государю его и его предков. Из этого, к примеру, следовала показательная характеристика дворян «московских чинов»: «А его Государеву полку: стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, — бьются таким обычаем: только у них бою, что под ними аргамаки резвы, да сабли остры; на которое место ни наедут, никакие полки против них не устоят»². Внутри Новгородского разряда также выделялись свои роды знатных дворян — в первую очередь, княжеские (Мышецкие, Елецкие и Шаховские), — а также Елагины, Нащокины и многие другие. Эти люди первыми являлись на службу и последними покидали ее — как правило, были в полку «до отпуску»; в бою они рубились в первых рядах своих сотен, а при преследовании и взятии обозов им по праву доставались лучшая добыча и полон; при неудаче они отступали последними и, как правило, не покидали поля боя, а съезжались к знамени и воеводе, под прикрытие обоза — «табора» или пехоты.

Корни такого поведения уходят в дружинную древность, но в московский период русской истории оно, добросовестно фиксируясь в полковом и приказном делопроизводстве («смотренных списках», «приездах», «списках раненых», «сказках» о службе, отписках воевод), чисто практически обеспечивало быстрейшее продвижение по службе (повышение в чинах и окладах) не только служилому человеку лично, но и его родственникам — конечно, наряду с протекцией сородичей, воеводы или иных покровителей. Мужественно терпя «полонное сиденье» или раны и даже погибая в безнадежной схватке, дворянин знал, что его подвиг послужит спасению его души, будет отмечен Государем и тем повысит «честность» его рода. Наоборот, уклонение от службы могло «обесчестить» и его, и весь род: новгородец Я.А.Мелницкий в 1662 г. донёс на своего юного двоюродного брата, что тот обманом уклоняется от службы; просьбу выслать его в Новгород он заканчивает словами: «Чтоб, государь, ему, Василью, не быть вечным неслугою, и нам, холопом твоим, не быть в нём, брате нашем, в вечном позоре»³ — поистине, «береги платье снову, а честь смолоду»! Конечно, определенное значение играли чисто материальные факторы: менее знатные дети боярские обычно не могли хорошо снарядиться на службу, вовремя прибыть на нее или дожидаться «отпуску» просто из-за своей бедности — что, конечно, препятствовало переводу в более высокий чин не меньше, чем пресловутая «худородность». Соответственно, и стойкость их даже во время боя была, как правило, не столь велика, как у «лучших людей», что и предопределяло «выбор» последних в более надежные подразделения.

Заканчивая данные предварительные замечания, необходимо сказать несколько слов о казаках Новгородского разряда — потомках «вольных

казаков» Смутного времени, поселенных в уездах Северо-Запада России в ходе их «верстания» 1619 г. Они составляли значительную долю конницы разряда, иногда, вместе с донскими, достигая половины ее состава. Это были служилые люди «по прибору» со своими устоявшимися традициями и спайкой внутри станиц, сложившихся еще в ходе боевых действий. Казаки были равны между собой как по родовому принципу, одинаково отрекшись от сословий предков при вступлении в станицу, так и в материальном плане, неся службу только за государево жалование. Часть казаков, получивших поместья, отличалась лучшим вооружением и «доброконностью», но они также не смешивали себя со служилыми людьми «по отчеству». Воеводы по-особому строили свои отношения с атаманами и их станицами, при необходимости противопоставляя их своенравным дворянам, доверяя им отдельные «посылки»^{***}, особенно разведывательные. Кстати, во время поражения под Валками (08.06.1657 г.), если из служилых «по отчеству» знатнейшие все же собрались в «обозе» при воеводе⁴, то казаки пробежали мимо «таборов» все поголовно, без различия — городовые или донские.

I

При изучении тактики русской конницы Московского периода обращает на себя внимание серьезный упор именно на морально-психологическую сторону боя. Уже описанный выше характер вооружения всадника не позволял ни опрокинуть противника при помощи копейного натиска, ни, тем более, физически истребить значительную его часть техническими средствами в ходе боя. Вообще, потери конницы даже в крупных битвах того времени исчислялись считанными десятками и только изредка — сотнями убитых и раненых. Военное искусство русских воевод заключалось прежде всего в воздействии на мораль, на боевой дух вражеского войска, сломе его различными средствами, после чего обращенный в бегство неприятель и нес основные потери при преследовании.

Иноземцы, уже в XVI веке привыкшие к рационализированным, геометрически правильным построениям своих рот и батальонов, с презрением писали об отсутствии чего-либо подобного у «варваров-москвитов»: «Войско идет, или ведут его, без всякого порядка, за исключением того, что четыре полка... находятся каждый у своего знамени, и таким образом все вдруг, смешанною толпою, бросаются вперед по команде генерала. ...Когда они начинают дело или наступают на неприятеля, то вскрикивают при этом все за один раз так громко, как только могут, что вместе со звуком труб и барабанов производит дикий, страшный шум. В сражении они прежде всего пускают стрелы, потом действуют мечами, размахивая ими хвастливо над головами, прежде нежели доходят до ударов»⁵. Таким образом они описывали один из впечатляющих, но наименее замысловатых тактических приемов — так называемый «первый напуск», прово-

*** Посылка — 1) командирование отдельного, обычно мобильного отряда из войск главного полкового воеводы для выполнения локальных боевых задач; 2) название данного отряда.

дившийся «лавой», зачастую всеми силами конного войска. Кстати, и у поляков в начале века считалось, что «в нынешнем веке... сражения решаются только натиском», так что битвы, шедшие «с переменным счастьем» несколько часов, «почитались за диво»⁶.

Иной знаменитый способ — это неожиданный удар из засады, решивший исход таких битв, как Куликовская (1380 г.), при Ведроше (1500 г.) или под Москвой (25.08.1612 г., первый бой с Ходкевичем). Засада оказывала прежде всего моральное воздействие на противника: появление крупного свежего отряда в тылу уже втянувшихся в схватку вражеских подразделений вызывало панику среди них, всадники прекращали организованное наступление и искали спасения в бегстве. В ходе «малой», маневренной войны применялись и иные, похожие на засаду приемы — нападение ночью или на марше на неготового к бою врага. К примеру, зимой 1654—1655 гг. Матвей Шереметьев всего с 7 «сотнями» Новгородского полка сорвал контрудар полковника С.Лукомского на Витебск: уверив литовцев в своем намерении дать бой у самого города, он ночью обошел их другой дорогой и внезапно напал с тыла на марше. Численно превосходящий противник был рассеян и загнан на лед Западной Двины, где многие утонули; весь обоз и множество пленных достались победителям⁷. Вообще, подобный замысел очень часто приносил успех русским и иным полководцам Восточной Европы (вторая битва под Тверью (10.07.1610 г.), бой под Орлом (20.08.1615 г.), бой между Гдовом и Сыренском (15.09.1657 г.), ряд боев кн. И.А.Хованского в Литве (1659—1661 гг.); у поляков — действия А.Лисовского и С.Чарнецкого). Наконец, для достижения эффекта внезапности нередко использовались ложные переговоры, которые обычно сопровождались противостоянием целых армий, поддерживавших требования послов силой оружия. Особенно удачно этот прием умел применять кн. Ю.А.Долгоруков: под Вильной, захватив в плен гетмана А.Гонсевского (1658 г.), и перед боем на р. Басе (1660 г.). В свою очередь, Новгородский полк сильно пострадал от подобной уловки литовцев в 1655 г. под Брестом.

В том походе боярин кн. С.А.Урусов «приводил к кресту» шляхту юго-западных поветов в.кн. Литовского и держал путь на Брест, где Ф.М.Ртищев добился от гетмана П.Сапеги предварительного согласия на подданство царю. Новгородцы выступили из-под Вильны в надежде на дополнительное жалованье и богатую добычу, однако по дороге на смерть рассорились с воеводою Урусовым, который по своему обычаю слишком жестоко и бесцеремонно относился к дворянам. Это привело к тому, что перед самим Брестом они плохо изготовились к бою и, когда Сапега во время переговоров внезапно атаковал их «на бреском поле», потерпели тяжелое поражение (13.11.1655 г.)⁸.

Данный пример показывает, что, наряду с тактическими приемами воздействия на противника, не менее важным фактором в достижении успеха являлось общее моральное состояние самих ратных людей. И служилые люди «по отечеству», и, в период Смуты, вольные казаки принадлежали к сословиям со своими четко осознанными интересами,

которые они защищали, участвуя в государственных делах. Особенно ярко это проявилось в эпоху Смутного времени, когда недовольство непопулярными царями привело к поражениям войск Годуновых и Василия Шуйского. Неудачи под Новгород-Северским (1604 г.), Кромами (1605 г.), Ельцом и Москвой (1606 г.), Болховым (1608 г.) и Клушино (1610 г.) невозможно объяснить какими-либо чисто техническими или тактическими моментами. Не понимая или не принимая целей гражданской войны, не имея уверенности в правильности и успехе избранного пути, а следовательно — и в своем будущем, помещики не видели смысла в честном несении службы, не готовы были терпеть голод и отдавать жизнь за чуждые интересы и стремились покинуть полки при первом же удобном случае — как правило, при неудачном развитии похода или сражения. Отсюда и поразительная нестойкость дворянских отрядов, напоминавшая о себе десятилетиями после окончания Смуты и воцарения Романовых.

Общее осознание необходимости жертвы во имя спасения Православия и государства, своей чести или из-за других, может быть, не столь высоких причин, могло поразительно укрепить стойкость и мужество этих воинов: достаточно вспомнить примеры из истории земских ополчений 1611—1612 гг. Каким образом обращение к подобным чувствам ратных людей влияло на ход сражения, показывает еще более ранний пример из истории борьбы с Болотниковым. В бою на реке Возьме (05.07.1607 г.) «начаша воры московских людей осиливати. Московские же люди, видя такую над собою победу от врагов, все воззопиша единоголосно, что померети всем до единого. Бояре ж и воеводы: князь Андрей, князь Борис****, езда по полком, возопише ратным людям со слезами: «Где суть нам бежати? Лутче нам здесь померети друг за друга единоголосно всем». Ратные же люди все единоголосно воззопяху: «Подобает вам начинати, а нам помирати». Бояре же, призвав Бога, отложиша все житие свое, наступили на них злодеев со всеми ратными людьми, многую храбрость покажаху предо всеми ратными людьми. По милости же Всещедрого Бога тех воровских людей побиша наголову...»⁹

Отметим здесь необычную для нас роль бояр-воевод, возглавивших атаку конницы. В таких случаях образцом поведения должны были служить, среди прочего, известные по популярным повестям и сказаниям поступки легендарных князей-полководцев, в частности, Дмитрия Донского перед Задонщиной или Довмонта Псковского¹⁰. Новгородские полковые воеводы и в середине XVII в. следовали их примеру. Так, когда под Валками конница Псковского полка обратилась в бегство, старший воевода Матвей Шереметев «остался в отводе и сорвал немецких людей. Да навстречу иные пришли роты, и Матвей напустил и на тех с небольшими людьми, да лошадь повалилась, так его и взяли!»¹¹ После известия об этом второй воевода кн. Т.И.Щербатов «ратным людям говорил же и плакал, чтобы им против немецких людей поворотиться и на них скочить», но «мочи их устоять» уже от малолюдства не было; отойдя

**** Князь А.В.Голицын и князь Б.М.Лыков.

к обозу, воевода дважды сходил с лошади, уговаривая бегущих остановиться, и, наконец, сумел организовать отступление «отводом»¹².

Обычно, судя по стандартным фразам отписок, обращение к ратным людям заключало призыв «помнить страх Божий и Государево крестное целование», «премногую к себе Государскую милость» и «свое дородство». Перед решающей битвой под Брестом (при с. Верховичах 17.11.1655 г.) новгородцы «за Государево крестное целование и за свою породу хотели все помереть и с людьми своими...»¹³ В той же битве воевода Урусов, не имевший особого авторитета, перед лицом капитуляции и разгрома от вдвое превосходящего противника «велел до бою твое Государево Большое знамя вынести и распустить. И учили у Всесильного в Троицы Славиного Бога и у Пречистой Его Богоматери Пресвятей Богородицы и у всех небесных сил помощи просить и молебствовать, и воду велели святить и твоих Государевых ратных людей кропить»¹⁴. Литовцы стали приближаться к таборам полка со всех сторон. Растворив его в двух местах, новгородцы одним полком (Урусова) обрушились на гетманскую пехоту и близстоящие роты, а другим (второго воеводы кн. Ю.Н.Барятинского) — на гусарскую роту; уничтожив их, они обратили в бегство все войско¹⁵. Вслед за воеводой, Алексей Михайлович приписал успех чудесному заступлению архистратига Михаила, чье изображение содержал сюжет полкового Государева знамени и о видении которого над русским лагерем в начале битвы сообщили литовские пленные¹⁶.

Вообще, отношение к Государеву знамени как к главной святыне войска нередко могло привести к мгновенным переломам в стремительном ходе конного боя. Так, в битве на р. Ходынке (25.06.1608) во время преследования конницей Шуйского отрядов Лжедмитрия II «вдруг один донской казак, спешившись, убил из самопала хорунжего в московском войске, да так, что и хоругвь с ним упала. Наши приободрились и ринулись через реку к неприятелю. Московитяне показали нам спины...»¹⁷. Таким образом, настроение всадников менялось в зависимости от ряда факторов, порой самых неожиданных, и талант полководца проявлялся в своеобразной мастерской игре на этих струнах, в искусстве чувствовать нерв войска. Одним из таких воевод был в то время кн. Иван Андреевич Хованский, долгое время возглавлявший полки Новгородского разряда.

Образцом его искусства можно считать январский поход Псковского полка 1659 г., увенчавшийся победой при Мядзелах... К концу 1658 г. крупное соединение литовских войск расположилось на зимние квартиры в окрестностях Мядзел (северо-запад Белоруссии) — в местности, ранее присягнувшей русскому царю. Туда же стали съезжаться шляхтичи Полоцкого и иных воеводств, отозвавшиеся на призыв гетмана Сапеги о Посполитом рушении. На них и двинул свои полки, вернувшиеся во Псков после заключения Валиесарского перемирия со шведами, стольник кн. Хованский.

Успех похода был предрешен развитием событий и разным моральным уровнем противников. Поветовая шляхта все больше заботилась о судьбе своих поместий, попавших под удар царских карательных отрядов; жолнеры «регулярных» хорунг требовали у короля выплаты жалова-

нья, угрожая в случае отказа перейти «в вечное холопство» к царю¹⁸. Уже в начале января 1659 г. такие войска потерпели несколько поражений, и о частях полковника Г.Воловича, к примеру, было известно, что «как де русские люди наступят, и оне де думают бежать вон»¹⁹.

Полную противоположность в этом отношении являли ратники Псковского полка Хованского. Его дворяне считали, что шведы пошли на уступки в перемирии, «устрашась» их славного воеводы и «убоясь» их; устремившись теперь за Двину, они рассчитывали только на победу: ведь те, кому новый поход был в тягость (полторы тысячи из двух с половиной²⁰), просто разъехались по домам, потому что «зимовая служба была не сказана» им заранее²¹. Вскоре сдались изменившие было Браслав и Икажно, а из Дисны подошли казаки и новокрещены Новгородского разряда, только что одержавшие победу над полковником Воловичем.

Хованский составил многочисленный «ертоул» (до 1000 всадников), «проведав великое собранье полских и литовских людей в Мядилове и на Глубоком, и вышед ис-под Браслова, с первово стану» отправил его в «посылку... для языков»²². Двигаясь по замерзшим озерам и руслам рек Дрисвяты и Мяделки, русские, преодолев более 60 верст, на следующий день (24.01.1659 г.) разгромили заведомо слабейший авангард противника в с. Постава, захватив пленных и знамя. Воеводы с главными силами догнали их только через несколько дней, причем за 20 в. от села оставили задерживающую движение пехоту, приведя с собой от силы еще тысячу всадников.

Весть о нападении с севера Псковского полка всполошила литовцев, заставив Юдицкого, «кавалера Мальтийского», выступившего было с полком на Икажно, вернуться в Мядзелы, а Воловича поспешить туда же из Глубокого. Несмотря на то, что шляхтичи начали отъезжать обратно «под Государеву высокую руку»²³, войска противника еще насчитывали до 6 тысяч чел.²⁴, — втрое больше, чем у Хованского!

Это не остановило полководца. На рассвете 29 января его ертоульные сотни смяли литовское охранение в версте от Мядзел, «гнали и секли» его до самого города. Здесь, на замерзшем озере, уже «стояли в справе» основные силы врага. Начались «многие напуски» с обеих сторон, и не удивительно, что успех склонился в сторону литовцев; однако те несколько хорунг, «перед которыми неприятель уже хотел было отступать», едва сойдясь врукопашную, вдруг обратились в бегство. В своем описании шляхтич Маскевич не поясняет причин внезапной перемены²⁵ — скорее всего, сыграло роль приближение (возможно, с фланга) «основных сил» Хованского, в реальности уступавших в численности своему передовому отряду. Известно еще, что Волович и Юдицкий враждовали друг с другом и не объединили полки²⁶. Эффект получился ошеломительным: вся масса литовцев обратилась в такое безудержное бегство, что на следующий день остановилась только в Новогрудке. Русские преследовали их больше 30 верст до д.Куренец, «отгромили» весь обоз и «наряд» и взяли более 200 пленных²⁷!

II

Блестящая победа, казалось бы, только подтвердила великолепные качества русской конницы. Однако, служилые люди Новгородского разряда, только два месяца отдохнув дома, были вновь вызваны в Новгород и Псков, где начиналось формирование новых полков рейтарского строя. Здесь более обеспеченные и знатные дворяне, а также лучшие казаки по-прежнему «расписывались» в сотни, а остальные, хронически неспособные нести конную службу без регулярного крупного жалованья, зачислялись в рейтары — менее «честную», по местническому счету, службу. Какие же преимущества должна была принести русской коннице данная реформа?

В это время основная тяжесть борьбы была окончательно перенесена из степи в Прибалтику и Белоруссию, где привычные охваты и обманные удары были затруднены условиями пересеченной местности. От лобового же столкновения всадники «сотенной службы» предпочитали уклоняться, ведь они не были предназначены выдерживать удар сплоченных эскадронов рейтар или лавины «крылатых гусар», и прекрасно это осознавали. Переход в «рейтарский строй» должен был исправить эти недостатки и придать массе служилой «мелкоты» необходимую стойкость, без которой выигрывать полевые бои у западного противника становилось все труднее.

Мы можем представить себе общие черты тактики «рейтарского строя» на примере кавалерии Западной Европы сер. XVII в. Эскадроны рейтар представляли собой тактическую единицу определенной численности и составлялись из разного числа рот одного полка: чаще всего — из двух²⁸, у шведов — из трех-четырех, то есть, средняя сила эскадрона — 150-200 чел. По мнению австрийского полководца Р.Монтекукколи, большая численность эскадрона неудобна для управления²⁹. Общепринятая уже глубина построения — 3 шеренги. Для свободного исполнения сложных внутренних перестроений существовал так называемый «разомкнутый порядок», когда между лошадьми в шеренге было 3 фута («шаг»), а в ряду — длина лошади. В бою становились тесно, колено к колену, с расстоянием 1,5-3 фута между шеренгами — в «сомкнутый порядок». Двинувшись в атаку, лошади сначала шли легким шагом, что позволяло сэкономить им силы, а всадникам — и поточнее выстрелить, затем переходили на рысь и вблизи от противника — в галоп³⁰.

Шведский король Густав II Адольф адаптировал тактику своих кавалеристов к условиям войны в Восточной Европе. Снаряжение его рейтар оставляло желать лучшего: небольшие скандинавские лошади, больше похожие на пони, на которых статные шведы смотрелись комично; нехватка карабинов, палашей, доспехов, седел и т.п.³¹ Тогда Северный Лев сделал ставку на огненное превосходство и дисциплину. При приближении противника пальбу по его лошадям открывали сначала команды мушкетеров, размещенные в интервалах между эскадронами; иногда эффект усиливали картечные залпы приданных им полковых пушек; затем залпы из карабинов и пистолетов производили первые шеренги

рейтар, после чего на уже расстроенного противника производился энергичный натиск плотно сомкнутых эскадронов³². В дальнейшем конский состав и вооружение шведских полков заметно улучшились, а простых мушкетеров заменили более приспособленные к маневренной войне драгуны. Именно к такой коннице накануне вторжения в Польшу (т.н. «Шведского потопа» 1655 г.) примкнул шотландский дворянин Патрик Гордон — будущий русский генерал и учитель Петра I.

По его словам, шведский командующий так инструктировал своих офицеров: «Коль скоро сей поход направлен против Польши, надлежит дать указания солдатам (многие из коих не отличались дисциплиной), каким образом себя вести при любом случае, но особенно при вступлении в бой или сражение с поляками, причем не следует обращать внимание на их крики и шум, но плотно держать строй. Ибо поляки — прекрасные наездники и весьма проворны во всяком деле, но опасаются схватки с плотно построенными частями... Предстоит иметь дело с новым противником, непохожим на немцев»³³. Шведы блестяще показали себя в боях 1655—1656 гг., правда, победу им в значительной мере принесло не превосходство в тактике, а низкий моральный уровень коронных войск в сложившейся политической ситуации. Со временем их хваленые рейтары и драгуны стали терпеть серьезные поражения от воспрямивших духом польских подразделений, особенно отборного полка (а затем «дивизии») Стефана Чернецкого³⁴.

Через год-два с описанным способом боя впервые в своей практике столкнулись русские войска в Прибалтике, причем всадники Новгородского разряда испытали настоящий шок. Сотенный голова Посник Нелов, который привез весть о несчастном бое под Валками (08.06.1657 г.), так описал царю схватку с занимавшими выгодную позицию шведскими эскадронами: «А конные де неметцкие люди в то время за деревнею у лесу подле пеших людей стояли в справе. И окольничего полк с теми неметцкими людьми бился стрелбою, а как пришел со своим полком столник и воевода Матвей Шереметев, и в то время послал перед собою к окольничему на помощь своево полку дворян и детей боярских 4 сотни. И те де сотни наехали на пеших неметцких людей, и пешие неметцкие люди стрелбою их смешали, а конные де неметцкие люди в то время на государевых людей на оба полки напуск учинили, и государевых людей потолкнули». Видя это, многие русские всадники, «покиня государевы знамена, и воевод, и голов», обратились в бегство, так что под сотенными знаменами осталось по 10-15 чел. (из 50-60)³⁵. Поражение было обусловлено ошибками разведки: Шереметев и Щербатов рассчитывали застать противника врасплох на их квартирах, — но недисциплинированность сотенных людей, их склонность покидать свои знамена и начальников перед лицом вражеских эскадронов проявились и в других столкновениях этой войны (под Вольмаром 7.08.1656 г., под Лялицами 15.06.1657 г.)³⁶. Полной противоположностью этому стало поведение 250 рейтар одного из немногих еще русских полков (Д.Д.Фонвизина), входивших в состав Псковского полка в битве при Валках: «и неметцкие де

люди на рейтар скочили, и рейтары де от них устояли, и, прострелявсья, от них назад пожались. И неметские люди всеми роты на них и на сотенных людей, которые остались на отводе, и на рейтар напустили, и учинили стрелбу, а не так, чтоб пруткою гоньбою»³⁷.

Боевой опыт столкновений со шведской конницей в походах 1656—1658 гг. дал Москве богатейшую пищу для размышлений. Кстати, и воевода Белгородского разряда, действовавший в совершенно иных условиях и против другого противника, констатировал, что «рейтары на боях крепче сотенных людей»³⁸. Шведский опыт был особенно полезен ввиду изначального сходства в качествах русской и шведской конницы: обычные «меринки» русских детей боярских также проигрывали при прямом столкновении с чистокровными турецкими лошадьми польской «гусарии», зато государство имело возможность в избытке снабдить своих рейтар огнестрельным оружием, а их полки — подготовленным офицерским составом. Вообще, новосформированные рейтары сразу выделялись в среде «московитской» конницы выучкой и снаряжением западноевропейского образца и привлекли к себе внимание иноземцев: «Конница щеголяла множеством чистокровных лошадей и хорошим вооружением. Ратные люди отчетливо исполняли все движения, в точности соблюдая ряды и необходимые размеры шага и поворота. Когда заходило правое крыло, левое стояло на месте в полном порядке, и наоборот. Со стороны, эта стройная масса воинов представляла прекрасное зрелище», — восхищался польский хронист Веспасиан Коховский «всадниками в латах» войск В.Б.Шереметева в 1660 г.³⁹

Три новых полка рейтар, сформированные из дворян и казаков Новгородского разряда, прошли долговременный курс обучения с апреля-мая по октябрь 1659 г. Учения продолжались и позже, что было связано не только с необходимостью подготовки пополнения. Так, в июле 1662 г. лужские казаки рейтарского строя жаловались на своих командиров, которым они были вверены в конце предыдущего 1661 г.: «Ведали нас, холопей твоих, с тех мест и доньне, а того мы, холопи твои, не ведаем, по какому указу оне нас... ведают. И на недели нас, холопей твоих, по дважды и по трижды смотрели и на ученье многожды нас, холопей твоих, выводили для ради своей бездельной корысти. А которая, Государь, наша братия на ученье и на смотр не поспеют, и оне тех нас, холопей твоих, били палками, а инех батогами, и сажали на съезжей двор, и на съезде дворе держали по недели и больше...»⁴⁰ Тогда же во Пскове «учились на съезде дворе безпрестанно» музыканты (трубачи и литаврички) нового рейтарского полка⁴¹, а воевода кн. Б.А.Репнин настойчиво требовал присылки из Москвы командиров-иноземцев взамен выбывших из строя в прошлом году: «и тем, Государь, полком без полковников и подполковников быть некоторыми обычай немочно, потому что тех полков рейтаром ученье худо, и маеоры, Государь, и начальные люди приходя к нам, холопам твоим, извещают, что им рейтары чинятца непослушны, и рейтарскому строю учат их худо...»⁴²

Годом раньше мы встречаем известие о совместном обучении всех рейтар и солдат войска кн. И.А.Хованского. Подчиненные боярину генерал-поручик Томас Далиель с полковниками И.Гулецом (солдатским) и Р.Дуглясом (рейтарским) в своих «приговорных статьях» о ратных делах предлагали: «Чтоб боярин и воевода все войско, конницу и пехоту, велел ставить в лаву почасту, чтоб против неприятеля знали, в лаву ставитца как ведетца...», на что получили одобрение царя. Вместе с тем, беспокоясь, что у них «в полках пехоты боольшая половина новоприборной и ученья не знает...», они ни словом не обмолвились о подобных проблемах у рейтар⁴³.

Превосходство новосозданных полков в бою ярко обрисовал Я.Х.Пасек — «товарищ» войск С.Чарнецкого, бившийся с Хованским при Полонке (1660 г.): перед рукопашной схваткой «рейтары дали по нам огня густо, из наших же редко кто выстрелил...»⁴⁴

III

К каким же последствиям в психологии ратных людей приводили подобные интенсивные изменения? В первую очередь, это должно было коснуться поведения командиров подразделений. Военачальник старой конницы, особенно в нижнем звене, был скорее ее вождем, воодушевлявшим свой отряд личным примером и прокладывавшим дорогу менее опытным соратникам. Так, в 1633 г. сотенный голова невянин Г.С.Коваль получил награду за то, что «лутцких и невелских людей под Полотеском привел и Государю служил явственню: наперед ратных людей вшел в ров, а з рову на острожной вал, и на валу выломил острожной тын и в острог вшел первой человек. И в остроге литовского острожного дозорщика убил и на воротех сторожа ссек и у острожных ворот замок сбил и ворота государевым людям отворил»⁴⁵. В 1654 г. в бою перед литовским острожком при м. Глубокое стольник Семен Жданов сын Кондырев, отец которого возглавлял здесь весь русский отряд, «бился явственню, збил с лошади полковника Петра Беганскова, да он же убил мужика»⁴⁶ — так что поединок видных предводителей еще отнюдь не являлся преданием седой старины!

Совершенно иной характер должно было носить поведение начальных людей нового строя. Алексей Михайлович, узнав, что рейтары полка Г.Тарбеева при атаке на них поляков «выпалили не блиско» (на р. Басе, 28.09.1660 г.), указывал воеводе этого войска кн. Ю.А.Долгорукову: «А впредь накрепко приказывай, рабе Божий, полуполковником и начальным людям рейтарским и рейтаром, чтобы отнюдь некоторой начальной, ни рейтар, прежде полковничья указу и ево самово стрелбы карабинной и пистонной, никто по неприятеле не палил. А полковники бы, за помощью Божию, стояли смело, и то есть за помощью Его Святою. Да им же, начальным, надобно крепко тое меру, в какову близость до себя и до полку своего неприятеля допуста, запалить, а не так, что полковник или начальные со своими ротами по неприятелю пропалят, а неприятели в них влипают, и то стояние и знатье худое и неприбылно. ... Добро бы, за помощью Божию, после паления рейтарского или пешего

строю, неприятельские лошади побежали и поворачивались. ... И ружья в паленье держали твердо и стреляли они же по людям и по лошадем, а не по аеру»⁴⁷. Таким образом, храбрость и мужество рейтарского командира заключались теперь в хладнокровии, выдержке и точном расчете, что неизбежно меняло психологию кавалеристов.

Подобные же перемены должны были коснуться знаменосцев. В отличие от хорунжего польской роты, который шел третьим в списке и являлся уважаемым и ответственным ветераном⁴⁸, «знаменщик» русской сотни занимал положение гораздо менее «честное», чем большинство из его рядовой «братии». Представители знатных родов служилого «города» в местнических спорах указывали, что ни они, ни их родители и братья «знамени не важивали» и «по вести не посылались»⁴⁹. Звание это приравнивалось к положению человека на посылках, видимо, потому, что знаменосец не мог принимать равного с иными (а особенно «дородными») дворянами участия в рукопашной схватке, брать полон и, соответственно, претендовать на видную долю добычи во время ее раздела («дувана»). Зато при неудачном обороте дела он становился заманчивой целью для всадников противника. Как следствие — сотенные знамена ценились низко, потеря их не являлась каким-то позором, в отличие от священного Государева знамени. Показателен с этой точки зрения переказ боярином кн. С.А.Урусовым требований о капитуляции, предъявленных ему П.Сапегой накануне битвы при с. Верховичах (16.11.1655 г.): «Дам же бы отдать твое Государево знамя и наряд и зелье и свинец и мушкеты и сотенные знамена...»⁵⁰ — вряд ли сами литовцы так разнесли разные типы знамен в перечне. Соответственно, при бегстве с поля боя знаменщики зачастую бросали свои знамена или гибли без защиты⁵¹. Усилия Алексея Михайловича исправить положение, не ставить это звание «в безчестье и в укоризну», приблизить сотенные знамена к полковым Государевым, выбирать к ним «добрых и жилопоместных» дворян⁵² долго не приносили заметного результата⁵³.

Однако, когда в битве при Полонке (1660 г.) большая часть конницы кн. И.А.Хованского в беспорядочном бегстве покинула поле боя, смоленские рейтары «бились, не шадя голов своих, и пехоту с собой отводили, и знамена с бою свезли, и пришли ... с бою в Полоцк разными дорогами»⁵⁴. В рейтарском строю за знамя («штандрт») роты отвечал прапорщик — младший начальный человек и подпрапорщики — урядники (унтер-офицеры), которые при атаке следовали в глубине строя своего эскадрона. Новые нормы поведения в бою и отношения к своему штандарту, принесенные в Россию ветеранами Тридцатилетней и Английской Гражданской войн, постепенно находили признание среди молодого слоя начальных людей иноземного строя.

IV

Вместе с тем, осваивая «хитрости ратного строения», русский рейтар по духу оставался прежним «служилым человеком», членом своего сословия, и сохранял полученные с детства навыки. Это ярко показывает пример новгородских рейтар в 1659–1664 гг., которые по-прежнему

стремительно вторгались на вражескую территорию, били противника привычными обходами, засадами и ночными нападениями, своим характером являя полную противоположность, к примеру, вербованным рейтарам и кирасирам Австрии и Речи Посполитой. Последние в боях с «нестройной» конницей Восточной и Юго-Восточной Европы (турками, татарами, казаками) не решались отрываться от своей пехоты и прятались за «испанскими рогатками»⁵⁵; и уж, конечно же, речи не шло о том, чтобы эти профессионалы гонялись за противником по степи — для этого в их армиях предусматривались специальные легкие войска (кроаты, венгерские гусары и все те же казаки).

Дух русской конницы по-прежнему зависел от заинтересованности ратных людей в продолжении войны или конкретного похода, что ярко проявилось на втором этапе войны с Речью Посполитой (1658–1667 гг.). К тому же, в отношении Новгородского разряда злую роль сыграл подавляющий перевес противника в силах: ведь с 1660 г. этому полку обычно противостояла вся армия Литвы, усиленная подкреплениями из Короны. Отборная королевская «дивизия» С.Чарнецкого выступила в качестве таковых в битве при Полонке (18.06.1660 г.).

Здесь, несмотря на уже «линейный» характер «боя» русской пехоты и части конницы, произошло во многом типичное для Восточной Европы того времени столкновение. Старый опытный С.Чарнецкий, начинавший службу еще «лисовчиком», искусно заманил горячего Хованского в засаду, сумел охватить его фланг и выйти в тыл. Уже второй год находившиеся в походе ратные люди не выдержали копейного удара вражеских «крылатых гусар» и обратились в беспорядочное бегство. Только отдельным стойким подразделениям рейтар удалось сохранить порядок и присоединиться к блестяще державшейся пехоте. Знатные, «дородные» и «помнящие страх Божий» дворяне также пробились к Государеву знамени (при защите которого погиб 31 «подзнаменщик» и «завоеводчик») или к пехоте, большая часть которой была вскоре окружена у небольшой рощи и уничтожена (изрублена или взята в плен). Видимо, с этим эпизодом следует связать гибель почти всех сотенных «голов», командиров двух полков, отдельной шквадроны и десятков ротмистров и иных начальных людей «рейтарского строя»⁵⁶. Правда, Хованскому все же удалось собрать вокруг себя остатки войска и организовать отступление «отводом» к своему лагерю под Ляховичи, а оттуда — и далее к Полоцку⁵⁷.

Битва при Полонке стала роковым рубежом в истории Новгородского разряда. Невиданный разгром — после целого ряда непрерывных побед (с 1657 г.), — гибель и пленение сотен дворян и детей боярских и более половины пехоты, потеря обоза и всех «животов» ратных людей — все это решительным образом сказалось прежде всего на моральном духе новгородской конницы. «Дробны, за грех наш, ратные люди стали, не видев неприятельских сабель, бегут неведомо от кого, не остоятся мало. Не ведомо: от Бога за наше согрешение, или они, враги, своим злым ухищрением, чародейством и волхвованием страх напустили; никто, Государь, такого греха не видывал, что ныне вижу: лишь скажут

про поляков, побегут все разно, нимало не остоятся...»⁵⁸, — сокрушался князь Хованский — сам, даже по отзыву своих противников, человек «отважного сердца»⁵⁹. Боярин немедленно стал предпринимать усилия по восстановлению войска: в частности, в коннице всем ратным людям было выплачено повышенное жалованье (до 70 руб.), назначены новые командиры⁶⁰. Но для повышения морального духа и боеспособности требовались необычные меры, и решение, судя по всему, подсказал сам ход последней битвы: через два месяца в его войске появились роты, а затем — полк... «гусарского строя»⁶¹!

Шок, испытанный войсками Хованского при Полонке, не мог не связываться в их памяти со впечатляющими атаками польских «крылатых» гусар, определившими исход противоборства. Эти копейщики, симбиоз западноевропейского типа польских рыцарей и турецких легких кавалеристов — «делия»⁶², в середине XVII в. начали было сокращаться в численности — из-за своей дороговизны и неэффективности против казаков и татар. Однако, со вступлением в войну русских и шведов, применявших линейный боевой порядок, гусары вновь оказались полезными — для погонь и внезапных стремительных нападений на марше и взламывания этих неуклюжих построений. Атакованный противник успевал сделать не более одного действенного залпа и априори проигрывал в качестве своей конницы, так что в битве под Варшавой (1656 г.) шведский король даже «приказал всем бригадным и полковым командирам, когда гусары или копьеносцы ударят на них, расступиться и дать волю их яростному напору, который, как он знал, нельзя было в то время сдержать никакою силой или тактикой»⁶³.

В Польше к гусарской службе относились с таким уважением, что «знатнейшая шляхта записывается в эти хорунги, и заслуженные офицеры, которые командовали казаками или в иных отборных полках, не считают зазорным для себя служить простыми жолнерами в гусарах»⁶⁴. О таком авторитете, несомненно, имели понятие и ратные люди Новгородского разряда, и это должно было стать важной частью замысла князя Хованского: ведь он прекрасно понимал, что на подготовку полноценного подразделения, его обучение, изготовление и присылку необходимого вооружения и доспехов уйдет немало времени⁶⁵, а достать соответствующих лошадей и сбрую вообще вряд ли удастся.

Для начала боярин «выбрал» из каждого рейтарского полка по 100 рядовых для рот «гусарского строя»⁶⁶. Никакого указа о принципе отбора не сохранилось, но можно сделать некоторые предположения. Во-первых, среди гусар оказались только служилые «по отечеству»⁶⁷. Во-вторых, это были преимущественно старослужащие воины старших чинов (дети боярские «дворового списка» и дворяне «по выбору»⁶⁸). На основе этого выстраивается прямая параллель с отборными подразделениями старого, «сотенного» строя — Выборной и Подъезжей сотнями. Это неудивительно: несмотря на переход к новой тактике и организационным формам, и боярин, и его соратники продолжали мыслить старыми категориями, и «честность» службы была в их глазах важнее техниче-

ских и тактических новшеств. Таким образом, гусары были задуманы как элита конницы «нового строя» Новгородского разряда, главным поводом их создания в этот момент стала необходимость укрепления морального духа войска.

Расчет Хованского блестяще подтвердился уже осенью 1660 г. Тогда под давлением деморализованных дворян князь был вынужден бросить свой укрепленный лагерь и начать отход к Полоцку. Гусарские роты шли в центре «обоза», оберегая Государево знамя. За 25 вёрст от города, возле переправы, все же пришлось принять неравный бой (21.10.1660 г.). «Сотенные люди» и рейтары («все разбежались, и всех твоих ратных конных людей было в то время человек с 500») навели литовцев на поставленную в лесу пехоту, «и учал быть бой жестокий... неприятельские люди стали наступать на твоих ратных пеших людей... чтобы их разорвать и побить, и... пешие люди... стали твердо и не уступили неприятлю места, бились, не щадя голов своих; и мы, взяв гусар и что было с нами всяких чинов твоих ратных людей, скочили на польских людей... и польских людей сорвали и пешим людям вспоможенье учинили»⁶⁹. Как видим, гусары оказались наименее подвержены дезертирству, боярин смог удачно использовать их в качестве последнего сильного резерва, и это снова подчеркивает именно моральное значение данного «выбора».

Со временем гусары, получив в полной мере положенное снаряжение, несомненно, освоили новую тактику, причем их богатый конный опыт должен был облегчить эту задачу. По признанию западных военачальников, кавалерист, вооруженный «ланцой»^{*****} — «душой всему ружью у конницы», к середине XVII в. исчез из их армий в первую очередь ввиду чрезвычайной трудности — не в пример рейтару, обучения конного копейщика, и лишь затем по причинам дороговизны «доброй и ученой лошади» и доспехов, тактических неудобств и т.п.⁷⁰ Постоянное упоминание об особой «тяжести» гусарской службы в Новгородском разряде, по сравнению с сотенной или рейтарской, — а это признавали дворяне-«окладчики» при распределении скудного годового жалованья⁷¹, — должно указывать на интенсивность, с которой русские копейщики осваивали совершенно новый для себя вид боя.

V

За последние годы войны произошли значительные изменения в личном составе конницы Новгородского разряда. С 1661 г. для ее пополнения стали широко привлекаться новые источники: конные монастырские слуги, «вольные гулящие люди», родственники городских казаков и т. п.; появились целые полки, укомплектованные даточными или новоприборными казаками «рейтарского строя»⁷². Все это повлекло за собой изменение характера тактики конницы: ведь теперь значительную часть рядовых рейтар составляли люди, не готовившие себя с малолетства к воинской конной службе, или, по крайней мере, не имевшие навыков прежнего, «сотенного» строя. Что, правда, не сильно осложня-

***** Ланца - рыцарское копье, отсюда «лансьеры» - конные копейщики.

ло задачу начальных людей, готовых, как на Западе, обучить рядового держаться в строю (а то и просто сидеть в седле) и выполнять команды за считанные месяцы: ведь для сомкнутых эскадронов были значимы не личная подготовка, а слаженность движений и пальбы, глубина и ширина построения, что нивелировало качественную разницу стоящих плечом к плечу кавалеристов.

Еще одним фактором стало ухудшение дисциплины и морального духа служилых людей, вызванные непосильной для них постоянной службой, разорением поместий и скудостью жалования (в связи с кризисом медных денег)⁷³. Так, зимой 1664 г. новгородцы «огнем и мечом» прошли по Восточной Белоруссии вслед за отступавшими из России литовскими полками, однако к лету их боевой пыл угас. В упорной битве с литовцами под Витебском (6.06.1664 г.) победитель определился далеко не сразу, было даже захвачено Гетманское знамя М.Паца⁷⁴, но после отбитой атаки многие всадники Хованского не отошли в табор, а бежали с поля боя прямо по домам⁷⁵. В другом случае дети боярские попытались учинить «ложный всполох» в обозе, а после показательного бития виновных кнутом составили «поносную челобитную» на своего воеводу⁷⁶.

Царю были понятны сложности боярина, и с 1661 г. он требовал от Хованского не увлекаться конными схватками, а больше заботиться об укреплении своего лагеря⁷⁷; после боя под Витебском Алексей Михайлович велел передать ему, чтобы впредь «над неприятелем промышляли... со всякою осторожностью и с крепостью, и бились с ним из обозу болши огненным боем и за обоз в дальние места не ходили»⁷⁸.

Хованский учел печальный опыт, и в походе августа 1665 г., вызванном необходимостью снабдить припасами Борисоглебский гарнизон (г.Динабург), постарался, елико возможно, ограничить участие дворян в прямых боевых столкновениях, удерживая их в лагере или в строгом строю. Так, понтонную переправу через Двину боярин обеспечил многочисленной пехотой и казаками, а затем, «собрав ... людей дворянских всех у ково сколко есть, болши трех тысяч, и учиня им значки, и построя ротами», отправил их с казаками «в войну», собирать «кормы» и печь хлеб за реку, оставшись с дворянами и пехотой «в справе» в обозе.

Вечером 24 августа, узнав о подходе литовских полков Чернавского и Соломоновича, Хованский «со товарищи» выступил на них: «Пошли ис-под Линоборка [так в тексте — *О.К.*] за Двину со всеми твоими Государевыми ратными конными и пешими людьми и с нарядом и с рогатками, построясь и ополченьем. А стравщики, твои великого Государя ратные люди, сошлись с неприятельскими людьми в трех верстах». Им на «прибавку» Хованский послал «ертоульные сотни», и литовцы отошли на пятнадцать верст, за реку, к местечку Алыкштя. «В полчаса ночи» 25 августа русские полки двинулись следом, «и об реку, Государь, во всю ночь был бой у твоих великого Государя ратных людей у донских казаков с неприятелем. А мы, холопы твои, пришед к реке, стояли в справе во всю ночь: за крепость, Государь, ночью идти было нельзя — места незнакомые». Утром, увидев подход основных сил Новгородского раз-

рядного полка, литовцы бросили обоз и бежали. А вскоре и боярин, прослышав о спешном сборе всего войска гетмана Паца, счел за благо увести свои полки обратно ко Пскову — задачу они выполнили, а надежд на победу в открытом бою оставалось уже слишком мало⁷⁹.

* * *

Антропологический метод в исторической науке, фокусирующий внимание исследователя на человеке, его образе мыслей, традициях, стереотипах и т.п., а также психологических и физических качествах, способен послужить к образованию новой системы координат и в военно-исторической сфере. Теория линейного прогресса в военном деле, заданная в XIX в. и довольно примитивно развитая в советское время, в настоящий момент, по мере возрождения интереса к военно-исторической тематике, введения в научный оборот массы новых источников и исчезновения идеологического диктата, все больше перестает удовлетворять исследователей. Особенно это относится к такой чрезвычайно мифологизированной области отечественной истории, как военное дело, войны и преобразования XVII — начала XVIII вв.

Не удивительно, что уже полвека назад основные споры историков развернулись на том направлении, которое способно было поставить под серьезное сомнение необходимость и оправданность методов военных реформ Петра I, их принципиальную новизну и успех. Уже тогда было ясно, что образ боя русской армии, ее вооружение и снаряжение большую часть XVII в. полностью соответствовали современным европейским образцам и нередко отличались в лучшую сторону по сравнению с непосредственным противником. В полках «нового строя» существовали строевая дисциплина и оптимальная система командных чинов; многочисленные западные, а затем и отечественные военные специалисты тщательно обучали подчиненных при помощи хорошо разработанных методик⁸⁰. Однако, несмотря на внешнее сходство с позднейшей императорской армией, царские воины, особенно кавалеристы, отнюдь не являлись «механизмами, артикулом предусмотренным».

Новые для себя формы боя осваивали полководцы, воспитанные в богатейшей военной традиции Московской Руси — Третьего Рима, унаследовавшей, в свою очередь, и многие достижения Рима второго. К византийскому наследию восходят нормы подготовки к войне, обязательность Божьего благословения перед началом походов и битв, многие чисто прикладные моменты (обязательная постройка полевых лагерей, тактика «выжженной земли», тщательная постоянная разведка, различные военные хитрости и т.п.). Роднит эти традиции и пристальное внимание к морально-психологическому состоянию воинов. Во всяком случае, когда кн. И.А.Хованский без риска громил накануне битвы какой-либо небольшой вражеский отряд, чтобы его ратники ощутили вкус победы и приободрились при виде пленных, знамен и иных трофеев, а затем воодушевлял их пламенной речью, напоминая им о чести и верности Государю, он (возможно, сам того не зная) буквально следовал

указаниям еще императора Маврикия, изложенным в его «Стратегиконе» тысячелетием ранее⁸¹.

Несомненно, столь глубокие традиции не позволили их носителям чисто механистически отнестись к освоению новой техники боя и оружия Западной Европы. Ярким примером служит осмысление сути строевой дисциплины своих полков царем Алексеем Михайловичем (в уже цитированном послании к кн. Ю.А.Долгорукову 1660 г.): «Тот прямой рейтар, что за помощью Божию имеет сердце смелое и отымки от покрывлян не смотрит [то есть, не следит, спасет ли его кто-нибудь от обошедших с фланга врагов — О.К.]. Таковым надобно быть рейтару и гусару и солдату, а отымка покрывляная добре добро, и конечно надобно от тебя рейтаром и пешим, а им того помышлять и надеятца николи не надобно, для того, что смелее и усерднее перстыми своими, за помощью Божию, в воинском деле промышляют и промысл свой всякой указуют и устаивают против неприятеля крепче»⁸². Характер и язык инструкции разительно отличается от приведенного выше приказа Карла X Густава перед вторжением в Польшу, хотя указания даются схожие. Король призвал рейтар надеяться на превосходство своего плотного строя и дисциплину, а Тишайший — уповать на помощь Божию, соблюдать спокойствие и бесстрашие в душе и тщательнее следить за сигналами полковников.

В свою очередь, и рядовые ратные люди подходили к освоению нового строя со своим богатым опытом, багажом традиций и норм поведения. Без учета их самосознания, таких основополагающих понятий, как «честь», «служба», «жалованье», не понять сути многих преобразований. Огромное влияние оказывали и конкретные военные события (такие, как поражение при Полонке в 1660 г.), и яркие личности, подобные кн. И.А.Хованскому, и чисто прикладные моменты, как качество и порода лошадей и т.п. Новый взлет после 1655 г., казалось бы, архаичного и изжитого на «передовом» Западе конного копейного боя в Речи Посполитой объясняется не столько техническими моментами (скорострельность мушкетов существенно не менялась больше столетия), сколько высочайшим авторитетом «крылатого гусара» — символа непобедимости польского войска, что стало особенно важно на патриотической волне периода «Потопа». Причины появления «гусарского строя» в Новгородском разряде также несут морально-психологическую окраску — необходимость создания «выборных» подразделений из рейтар после тяжелого поражения. Даже внешняя схожесть построения и образа действий пеших и рейтарских полков кн. Хованского в походе 1665 г. с пехотой и кирасирами фельдмаршала Р.Монтекуколи в период австро-турецкой войны 1660–1664 гг. имеет под собой совершенно своеобразное объяснение — не только появление полков из новобранцев, но и падение дисциплины дворянской конницы.

Данная работа из-за своей единичности и ограниченности в охвате исследования по срокам и региону не может претендовать на какие-либо более серьезные обобщения и выводы. Скорее, это лишь опыт подобного подхода к изучению военного дела, доказывающий его продук-

тивность, и постановка серьезной проблемы. Представляется, что беспочвенные политизированные споры на уровне, чья армия и в какой период более прогрессивна и сильна духом, должны, наконец, уступить место кропотливому и беспристрастному исследованию истории военного дела XVII — начала XVIII вв., с широким привлечением антропологических методов исследования.

¹ Обручев Н.Н. Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год. СПб., 1853. С. 102; Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954; Епифанов П.П. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (Из истории русской армии XVII в.) // Ученые записки МГУ. Вып. 167 (Кафедра истории СССР). М., 1954. С. 77–98).

² Из рассказа посла в Венеции Чемоданова о русском войске в 1657 г. (Цит. по: Зотов Р.М. Военная история Российского государства. СПб., 1839, Ч. 1. С. 189.)

³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 105.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 340. Л. 252, 253.

⁵ Флетчер [Дж.] О государстве русском: соч. Флетчера. СПб., 1906. С. 68, 69.

⁶ Мархоцкий Н. История московской войны. М., 2000. С. 190.

⁷ Барсуков А.П. Род Шереметевых. СПб., 1884. Кн. 4. С. 135–138.

⁸ Записки отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 65–67, 70, 71 (далее — ЗОРСА); РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 319.

⁹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 14. I-я половина. С. 75.

¹⁰ Древнерусские княжеские жития / Публ. текста, перевод и комм. В.В.Кускова. М., 2001. С. 268–286; Охотникова В.И. Повесть о Довмонте. Л., 1985. С. 188–230.

¹¹ Из письма Алексея Михайловича А.Матюшкину. (Дополнения к Актам Историческим. СПб., 1848. Т. 3. С. 254. (№ 71, IX)).

¹² РГАДА. Ф. 310. Столбцы Приказного стола. № 340. Л. 245–247; то же подтверждал сотенный голова П.Ф.Неелов. (Там же. Л. 187).

¹³ ЗОРСА. С. 666.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 112.

¹⁵ Там же. Л. 321.

¹⁶ Акты, собранные... Археографической экспедицией... СПб., 1836. Т. 4. С. 129. (№ 89).

¹⁷ Мархоцкий Н. Указ. соч. М., 2000. С. 43.

¹⁸ Витебская старина. Витебск, 1888. Т. 4. Отд. 2. С. 107.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 429. Л. 355, 356, 492–494.

²⁰ Списочный состав Псковского полка на лето 1658 г. см.: РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 21. Л. 44–158; подсчеты по походу и описание его сделаны на основе послужных списков Псковского полка февраля 1659 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488).

²¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 120. Л. 290–292 (коллективные челобитные).

²² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488. Л. 135.

²³ Витебская старина... С. 107, 110.

²⁴ Maskewicz S. i B.K. Pamietniki Samuela i Boguslawa Kaziemierza Maskiewiczow (wiek XVII). Wroclaw, 1961. S. 272; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 429. Л. 759, 760 («распросные речи» ротмистра Я. Брезицкого).

²⁵ Maskewicz S. i B.K. Pamietniki... S. 271, 272.

²⁶ Polski slownik biograficzny. Wroclaw, 1965. T. 11/2. Zeszyt 49, s. 315.

²⁷ Дополнение к III тому Дворцовых разрядов... СПб., 1854. С. 174; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 120. Л. 186. (Прислано в Москву 216 «языков»); по польским данным, их пленных было 400. (Kubala L. Wojny Dunskie i Pokoj Oliwski 1657–1660. Lwow, 1922. S. 356.)

- 28 История конницы: В 2 кн. Кн. 2. Примечания Брикса к «Истории конницы» Денисона / Г.Брикс, пер. с нем. Р. фон Траубенберга. М., 2001. С. 81, 138, 143.
- 29 Записки Раймунда графа Монтекукули генерала цесарских войск... М., 1760. С. 32.
- 30 *Tincey J. Soldiers of the English Civil War.* Ldn., 1990. Vol. 2. P. 8-10, 16, 18.
- 31 *Лайдре М.* Шведская кавалерия и артиллерия в Лифляндии в 1655-1661 годах // Скандинавский сборник. Таллинн, 1988. Т. XXX. С. 68, 69; *Brzezinski R. The army of Gustavus Adolphus.* Ldn., 1993. Vol. 2. P. 2-6.
- 32 *Brzezinski R. Ibid.*, p. 23 — 36.
- 33 *Гордон П.* Дневник. 1635-1659. М., 2000. С. 189.
- 34 *Majewski W. Polska sztuka wojenna w okresie wojny Polsko-Swedzkiej 1655-60* // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości.* Wrocław, 1958. Т. XXI. S. 333-345.
- 35 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 340. Л. 186, 187.
- 36 *Гадзяцкий С.С.* Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // Исторические записки. М., 1945. Т. 16. С. 33, 34; *Carlson M. Ryska Kriget 1656-58.* Stockholm, 1903. S. 51.
- 37 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 340. Л. 245.
- 38 *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. М., 1954. С. 146.
- 39 Цит. по: *Барсуков А.П.* Род Шереметевых. СПб., 1884. Кн. 5. С. 300.
- 40 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 126. Л. 284.
- 41 Там же. Л. 57 об., 278,
- 42 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 136. Л. 223.
- 43 РГАДА. Ф. 27. Приказ Тайных дел. № 166. Л. 112-120.
- 44 *Pasek J.Ch. Pamietniki Jana Chryzostoma z Goslawic Paska* / opr. J.Czubek. Lwow, [1929]. S. 96.
- 45 РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. № 288. Л. 578, 579. Автор выражает благодарность А.В.Малову за любезно предоставленные сведения.
- 46 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 255. Ч. I. Л. 138.
- 47 ЗОРСА. С. 763.
- 48 *Nagielski M. Chorągwie Husarskie Aleksandra Hilarego Polubinskiego i krola Jana Kazimierza w latach 1648-1666...* // *Acta Baltico-Slavica.* Wrocław, 1983. Т. XV. S. 94.
- 49 *Николаев Н.Г.* Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. СПб., 1898. Т. 1. С. 38.
- 50 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 320.
- 51 Характерен в этом смысле эпизод битвы при Полонке, описанный Пасеком (*Pasek J.Ch. Ibid.* S. 99).
- 52 ПСЗРИ. Т. I. С. 364 (№ 157); Записки... С. 662.
- 53 *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 126.
- 54 Акты Московского государства. СПб., 1901. Т. 3: Разрядный приказ. Московский стол (1660-1664). С. 143, 144 (№ 161) (далее - АМГ).
- 55 *Рюстов Ф.В.* История пехоты / пер. с нем. Пузыревского. СПб., 1876. Т. 2. С. 108; *Wimmer J. Historia piechoty polskiej do roku 1864.* Warszawa, 1978. S. 219-222.
- 56 Описание битвы: *Kersten A. Stefan Czarniecki 1599-1655.* Warszawa, 1963. S. 423, 424; *Kurbatow O.A.* Polonka 1660 — spojrzennije z Moskwy // *Mowia Wieki.* 2000. №10. S. 27-36; потери: АМГ. Т. III. С. 117-119 (№ 126); РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 87. Л. 46-63.
- 57 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 125. Л. 86.
- 58 АМГ. Т. III. С. 208 (№ 220): отписки от 26.10.1660.
- 59 *Maskiewiczzi, S. i B.K.* Pamietniki Samuela i Boguslawia Kazimierza Maskiewiczzow (wiek XVII). Wrocław, 1961. S. 271.
- 60 См. списки конницы разряда на август 1660 г. (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 64) и январь 1661 г. (РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. Д. 27. Л. 406-526 об.).
- 61 В новом походе, начавшемся 22 сентября 1660 г. (АМГ. Т. III. С. 181. № 197.), уже участвуют гусары (упоминаются с 19 октября), но Хованский счел нуж-

- ным пояснить о них в отписке царю: «гусар 3 роты, а в роте по 90 чел.» (АМГ. Т. III. С. 204. № 220).
- 62 *Солдатенко А.* Польская гусария 1500—1776 гг. // Орел: военно — исторический журнал. СПб., 1993. №3. С. 17-19; *Brzezinski R. Polish armies 1569—1696.* Ldn., 1987. Vol. 1. P. 15.
- 63 *Гордон П.* Дневник. 1635—1659. М., 2000. С. 91.
- 64 *Relacje nuncjuszow apostolskich i innych osob o Polsce.* Berlin—Poznan, 1864. Т. II. S. 330.
- 65 Например, «гусарские древки» (копья) и доспехи из Оружейной палаты на весь полк были получены лишь в августе 1661 г. (АМГ. Т. III. С. 357 (№390)).
- 66 РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 27. Л. 433 об., 474, 503 об.
- 67 Только вначале было 5 гусар из зажиточных луцких казаков — «помещиков», но к 1662 г. они исчезают из списков (РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 27. Л. 414; *Веселовский С.Б.* Сметы военных сил Московского государства в 1661—1663 гг. М., 1911. С. 10).
- 68 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 600. Л. 123-132, 156-162 (списки по Торжку и Твери).
- 69 АМГ. Т. III. С. 205. (№ 220). Общее описание похода: С. 203-208.
- 70 *Дельбрюк Г.* История военного искусства. СПб., 1997. С. 98-101; Записки Раймунда графа Монтекукули генерала цесарских войск... М., 1760. С. 17, 240, 241.
- 71 РГАДА. Ф. 210. Книги Новгородского стола. №12. Л. 22об.-23, 24 об., 115об.-116 и др.
- 72 *Веселовский С.Б.* Указ соч. С. 10-13.
- 73 *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л., 1936. С. 33-41, 80-82.
- 74 РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 20. Л. 640-643.
- 75 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 132. Л. 50, 51; Столбцы Московского стола. № 349. Л. 515-517, 533-535, 604-606.
- 76 *Кошелева О.Е.* Коллективные челобитья дворян на бояр (XVII век) // Вопросы истории. М., 1982. № 12. С. 175, 176.
- 77 АМГ. Т. III. С. 380. (№ 426).
- 78 РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 166. Л. 82-84.
- 79 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 148. Л. 23-25, 43-45.
- 80 *Епифанов П.П.* Указ. соч. С. 77-98); *Калинчев Ф.И.* Русское войско во второй половине XVII века // АН СССР. Доклады и сообщения Института Истории. М., 1954. Вып. 2. С. 74-86.
- 81 *Кучма В.В.* «Стратегикос» Онансандра и «Стратегикон» Маврикия: опыт сравнительной характеристики // *Кучма В.В.* Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 181, 182; другие параллели со «Стратегиконом» см.: С. 170-175, 180-187, 190, 191, 196-198, 200.
- 82 ЗОРСА. С. 764.